

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

КУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ И ЛАКУНАРНОСТИ

В. П. ГРИЦЕНКО¹⁾
Т. Ю. ДАНИЛЬЧЕНКО²⁾

*Краснодарский
государственный универси-
тет культуры и искусства*

¹⁾ e-mail:
postmodernist@mail.ru

²⁾ e-mail:
semiotike@rambler.ru

В статье рассматривается ситуацию культурного многообразия, которая обуславливает как рост культурной идентичности и лакунарности, так и необходимость повышения культурной компетентности, способствующей элиминации лакун в межкультурной коммуникации. Авторы статьи стремятся обосновать мысль о том, что главным средством преодоления культурологических (в т.ч. междивизиационных) лакун является культурная компетентность, основным средством повышения и развития которой служит гуманитаризация. Культурологические лакуны своим источником имеют негативную идентичность, преодоление которой возможно за счет гуманитаризации социальных отношений через гуманитаризацию познания и коммуникации.

Ключевые слова: культура, глобализация, регионализация, культурное многообразие, лакуны, культурная компетентность, элиминация лакун.

В последние десятилетия одной из главных тем социально-политического дискурса является глобализация. Для международной и культурной глобализации* характерны унификация деловой и потребительской культуры разных регионов, рост межкультурной коммуникации – мировой туризм стал важнейшей формой познавательной активности. В то же время, вполне возможно, что глубинное воздействие ценностей глобализации часто преувеличивается. Так, бум этнознания, реставрация традиционализма и фундаментализма в некоторых регионах, в т.ч. и на Северном Кавказе, говорит, что этноэкономика, этнознание, региональный традиционализм способны оставаться фундаментальным основанием жизни современных социумов и этносов. Подтверждением этого могут быть результаты исследования WorldValuesSurvey¹ демонстрирующие, что основные культурные ценности сохраняются и даже восстанавливаются, несмотря на глобализацию².

* С точки зрения французского профессора Парижского института политических исследований Б. Бади (B. Baïe) глобализация включает в себя жизнь по единым принципам, ценностям.

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011.

² См.: ПанкаджГемават. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 260.

Наиболее масштабными социальными объединениями культурной природы являются цивилизации. Между ними существуют тенденции интеграционного и дифференцирующего характера. Поэтому в процессе эволюции межцивилизационные лакуны периодически трансформируются, вызывая, в конечном счете, изменения и на уровне личностной идентификации.

Можно разделить цивилизационные концепции на две основные группы. В первых, это стадильная концепция цивилизаций (Д. Бэлл, Дж. Гелбрейт, Дж. Мартин, И. Масуда, Ф. Полак, П. Сорокин, О. Тоффлер, У. Росту, Ж. Фурастье, М. Кастельс и др.), при которой цивилизации представляют собой основные этапы (стадии, «волны») исторической эволюции общества на базе экономического и технологического прогресса. Во вторых, цивилизация рассматривается как общность, основанная на социокультурных основаниях, и имеющая в себе «центральный принцип» или «большую идею», которые и формируют «большую традицию» – предмет изучения историков мировых религий и культуры. Такой подход нашел классическое представление в трудах Н.Я. Данилевского, Б.С. Ерасова, О. Шпенглера, А. Тойнби, Д. Нидэма, С. Эйзенштадта³.

Поскольку предметом нашего исследования являются культуры разных по масштабам социумов, то мы также будем различать виды цивилизаций в зависимости от масштаба как глобальные локальные. Человеческая история представляет собой череду и конкурентное сосуществование различных цивилизаций – египетской, греко-римской, арабской, христианской, исламской, индуистской и др. Цивилизации, как наиболее масштабные формы интеграции людей, выступали очагами культуры, экономики и политики, между которыми всегда зияли лакуны. Генезис, подъем, взаимодействие, достижения, закат и падение цивилизаций изучались такими социальными мыслителями как М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби, А. Вебер, А.Л. Крёбер, Ф. Бэбби, К. Куигли, Р. Колборн, К. Даусон, С.Н. Айзенштадт, Ф. Бродель, У. Г. Макнил, А. Боземен, И. Валлерстайн, Ф. Фернан-дез-Арместо⁴.

Со времен Древней Греции, а особенно в эпоху буржуазной экспансии Европейской цивилизации и практики передела мира дилемма «цивилизация – варварство» обеспечивала негативную идентичность западным странам и служила основой их идеологии. На современном этапе цивилизационный процесс претерпевает очередные изменения и в нем все более доминируют культурные факторы – религиозные, этнические, языковые. Теоретически новая формула была выведена Ф. Броделем и гласила, что цивилизация определяется культурными факторами и феноменами. В то же время, понятие цивилизации стало мыслиться во множественном числе, что означало курс науки на отказ от европоцентризма. В научной картине мира вместо прежнего моноцентризма появилось много цивилизаций, каждая из которых считалась цивилизованной по-своему⁵. Такая диффе-

³ Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991.; Ерасов, Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (Очерки общей теории) [Текст] / Б.С. Ерасов. – М.: Наука, 1990; Тойнби, А.Дж. Постигание истории [Текст] / А.Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991; Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [Текст] / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993.

⁴ Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [Текст] / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.; Weber, M. The Sociology of Religion [Text] / M. Weber. – Boston: Beacon Press, 1968; Durkheim, E., Note on the Notion of Civilization Social [Text] / E. Durkheim and M. Mauss // Social Research. – № 38. – 1971. – P. 808-813; Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [Текст] / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993; Bagby, Ph. Culture and History Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations [Text] / Ph. Bagby. – London: Longman, Green, 1958. – P. 165-174.; Quigley, C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis [Text] / C. Quigley. – New York: Macmillan, 1961. – P. 77-84.; Coulborn, R. The Origin of Civilized Societies [Text] / R. Coulborn. – Princeton: Princeton University Press, 1959. – 200 p.; Eisenstadt, S.N. Cultural Traditions and Political Dynamics: The Origins and Modes of Ideological Politics [Text] / S.N. Eisenstadt // British Journal of Sociology. – № 32. – June 1981. – P. 155–181; Braudel, F. History of Civilizations [Text] / F. Braudel. – N.Y.: Alien Lane—Penguin Press, 1994. – 816 p; Wallerstein, I. Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World System [Text] / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 215 p.

⁵ Braudel, F. On History [Text] / F. Braudel. – Chicago, Chicago University Press, 1989 – P. 177–181, 212–214.; Braudel, F. History of Civilizations [Text] / F. Braudel. – N.Y., 1994. – P. 4–5.; Gong, G.W. The Standard of «Civilization» in International Society [Text] / G.W. Gong. – Oxford: Clarendon Press, 1984. –

ренциация человечества и народов на множество цивилизаций должна была означать одновременно процесс межцивилизационной лакунизации⁶. С. Куигли признает шестнадцать исторических цивилизаций, А. Тойнби насчитывает двадцать две цивилизации, О. Шпенглер – восемь, Ф. Бродель – девять цивилизаций⁷. Различия точек зрения завязят от оснований классификаций. На основе сопоставления точек зрения, М. Мелко приходит к заключению, что существует единодушие относительно двенадцати мировых цивилизаций, из них пять современных – китайской, японской, индуистской, исламской и западной⁸. С. Хантингтон добавляет к основным цивилизациям африканскую, латиноамериканскую и православную⁹. Сразу заметим, что в этой классификации нарушается единое правило логического основания и цивилизации выделяются, с нашей точки зрения, не по интегрирующему, а скорее, по дифференцирующему политическому или экономическому признаку.

Новая формула «цивилизованного» процесса потребовала иного практического решения в системе цивилизационных отношений. Идеологами новой системы отношений стали в основном американцы: З. Бжезинский, С. Хантингтон, И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма. Основная идея С. Хантингтона заключается в том, что в качестве современной доминирующей формы цивилизационной идентичности утвердились факторы культурной идентичности¹⁰. Но негативная идентичность как доминанта ведет лишь к «войне всех против всех».

В новой картине мира возникла возможность многополюсной, полицивилизационной глобальной политики. Модернизация перестала быть синонимом «вестернизации» – распространения западных идеалов и норм на весь мир. Перспектива не в возникновении

Р. 81, 97–100; Wallerstein, I. *Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World System* [Text] / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 160, 215.

⁶ На одну из фундаментальных европоцентристских лакун в теории цивилизаций указывают В.П. Бабинцев и В.П. Римский. См.: В.П. Бабинцев, В.П. Римский. «Матрица русофобии и ментально-антропологические типы русской интеллигенции» // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия. Философия. Социология. Право.* 2013. № 8 (151). Вып. 24. – С. 22: «... во многих обобщающих трудах и почти во всех популярных учебниках по истории культуры или истории философии, а часто и по всеобщей истории существует громадная «дыра» почти в тысячу лет, именуемая «Византийской цивилизацией». В истории философии «византийский след» обрубаются на «патристику», вершиной которой чаще всего объявляется Блаженный Августин, а о великих православных учителях Церкви, «Трех светочах Капподокийской Церкви», утвердивших основные догматы веры христианской, – Василии Великом, Григории Богослове и Григории Нисском... – вообще упоминают вскользь. Дионисий Ареопагит (для Запада он всегда будет «псевдо») и Иоанн Дамаскин, без которых немислима католическая схоластика, предстают как безродные «греческие космополиты», не имеющие «восточно-православной прописки», а последний – и «мусульманского отечества». Никто не пытается даже объяснить, почему вершина католической философии в XIII веке совпадает с захватом крестоносцами части «византийской империи» и ее столицы, а «заря Возрождения» – с окончательным падением Константинополя под ударами османов и бегством греческих интеллектуалов, философов и богословов в ближайшие итальянские пределы.

Во тьме новейшей схоластической книжности, подверженной европоцентристской схематике и модернизации с их примитивной однозначностью и нетерпимостью, наиболее полно усвоенными современными параучеными, пропадают величайшие достижения человеческой культуры, будто их и не было. И лишь профессиональные византинисты-ученые пытаются по археологическим артефактам и пыльным рукописным спискам реконструировать образ великой Православной цивилизации, без которой не было бы возможно развитие всей западноевропейской культуры от средневековья до наших дней».

⁷Quigley, C. *The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis* [Text] / C. Quigley. – New York: Macmillan, 1961. – P. 77-84; Weber, M. *The Social Psychology of the World Religions* [Text] / M. Weber // *Essays in Sociology.* – London: Routledge, trans and ed H.H. Gerth and C Wright Mills, 1991. – p. 267; Bagby, Ph. *Culture and History Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations* [Text] / Ph. Bagby. – London: Longman, Green, 1958. – P. 165–174; Braudel, F. *History of Civilizations* [Text] / F. Braudel. – N.Y.: Alien Lane—Penguin Press, 1994. – 816 p.; McNeill, W.H. *The Rise of the West. A History of the Human Community* [Text] / W.H. McNeill. – Chicago University of Chicago Press, 1963. – 547 p.

⁸M. Melko. *Nature of Civilizations*, p. 133.

⁹Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон / Пер. сангл. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 54.

¹⁰Huntington, S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* [Text] / S.P. Huntington. – N.Y.: Simon & Schuster, 1996. – 368 p.

всеобщей коммунистической или постиндустриальной цивилизации, ни в вестернизационно-западных обществах. Возникновение многополюсности делает первостепенными проблему межцивилизационных лагун и баланса между цивилизациями. Начинается разыгрываться сценарий между цивилизациями, который в какой-то мере описан Н.Я. Данилевским («Россия и Европа», 1868)¹¹. Универсалистские претензии Запада становятся все более опасными, особенно по линии разломов с исламом и Китаем и требуют самоограничения западных экспансионистских амбиций¹². Ведь в основе экспансионизма как раз и покоится негативная идентичность как культурологическая основа войны.

Как это ни покажется парадоксальным, но по мере хода исторического процесса количество лагун не сокращается, а растет. В доиндустриальном обществе цивилизаций было очень ограниченное количество и они были разделены значительными пространственно-временными лагунами. Наиболее благоприятно велась торговля в Средиземном море и Индийском океане. Караванная торговля была более трудоемка и контакты были очень ограниченными¹³. Например, андская и мезоамериканская цивилизация до XV века вообще не контактировали. О значительности культурных и цивилизационных дистанций в традиционном обществе свидетельствует очень медленный информационный и инновационно-технологический обмен. Для передачи идей и технологий из одной цивилизации в другую часто требовались века. Например, изобретение бумаги относится ко II веку в Китае, а в Европе начинает осваиваться только в XII веке, книгопечатание изобрели в VIII веке, а освоили в Европе лишь в пятнадцатом¹⁴. Наличие глубоких лагун приводило к тому, что значительные контакты между цивилизациями и заполнение лагун имели место тогда, когда акторы одной цивилизации покоряли или уничтожали представителей других цивилизаций. Причем, методы уничтожения являлись основным средством ликвидации лагун как внутри цивилизаций, так и между ними: греческие города-государства воевали друг с другом чаще, чем с персами и другими народами. Индия и Китай подвергались набегам и завоевывались другими народами (моголы, монголы), но также знали продолжительные периоды войн в пределах своей цивилизации. Мирные культурные экспансии, типа распространения индийского буддизма в Китай были скорее исключениями.

Западный мир изначально не был лидером цивилизационного развития. Однако в XI-XIII вв. ситуация стала меняться, идеологически это было обусловлено распространением христианизации в Европе¹⁵. К 1500 году возрождение европейской культуры уже шло активно и позиционирование Европы как очага культуры и цивилизации в мире привело к возникновению новой цивилизационной лагуны – Запад (капитализм, империализм) – Восток (неЗапад). В конце XIX начале XX вв. Запад конституировался в виде своеобразной конфедерации таких государств как Германия, Франция, Англия США, Канада и др. Конкуренция внутри западных государств представляла собой многополюсную форму заполнения внутрицивилизационной лагуны индустриально-капиталистической цивилизации, которая дополнялась межцивилизационной лагуной капитализма и некапиталистических стран.

Экономическая динамика стран Запада и внутренняя конкуренция и колониализм завершились прогнозом в виде «Заката Европы» (О. Шпенглер) и двумя мировыми войнами. Развитие государственного социализма в СССР, становление и развитие мировой системы социализма привели к возникновению новых противоречий и модифицировали внутреннюю природу капитализма. Разрешение основного противоречия новой эпохи между капитализмом и социализмом привело к окончанию «холодной войны» и изменению центров силы современного мира. Как видим, те цивилизации, а скорее полюсы современного мира, о которых пишут американские исследователи, представляют собой

¹¹Данилевский Н.Я. Россия и Европа. –СПб., 1971.

¹²Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон / Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003. –С. 14-16.

¹³Lewis, B. Islam and the West [Text] / B. Lewis. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1993. – 217 p.

¹⁴Braudel, F. On History [Text] / F. Braudel. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – P. 14.

¹⁵См.: Toynbee, A.J. Study of History, VIII, 347–348; McNeill, W.H. The Rise of the West. A History of the Human Community [Text] / W.H. McNeill. – Chicago University of Chicago Press, 1963. – 547 p.

скорее не цивилизации, а центры силы. После 1990 гг. межцивилизационные лакуны стали множественны и кардинальны. В СССР возник дискурс «нового политического мышления» как попытка позитивной идентичности¹⁶. Инициатором был политический лидер СССР М.С. Горбачев. «Новое мышление» названо им новой философией и методологией международного решения дел.

Теоретически это базировалось на пересмотре классовой политической стратегии на международном уровне. Практически подоплекой всего этого была угроза ядерного самоуничтожения человечества. М.С. Горбачев так излагает генезис «нового мышления»: «В новой ситуации уже невозможно было рассматривать мировое развитие с точки зрения борьбы двух противоположных социальных систем. То, что нам идеология изображала как форму классовой борьбы рабочего класса против капитала на мировой арене, в действительности выродилось в военный, властно-политический конфликт двух блоков, возглавляемых сверхдержавами. Проблемы одного «лагеря» нельзя уже было решать без участия второго «лагеря». Вместо того, чтобы конфронтировать друг с другом, необходимы были сотрудничество и кооперация различных экономических и социально-политических систем.

Корни нового мышления – в понимании, что в ядерной войне не будет победителей, и если она случится, оба «лагеря» полетят в тартарары. Милитаристской доктрине, основанной на политике силы, мы противопоставили концепцию баланса интересов и взаимной равной безопасности»¹⁷.

Как видим, процесс снятия политических, глобальных лакун происходил путем отказа лидеров СССР от прежних политических доктрин и путем замены политической картины мира и далее, замены идеологии и замены вообще одной социально-гуманитарной картины мира на другую. По существу, шла смена мировоззрения, доминирующего в обществе, сознания и самосознания политической элиты и это обусловило появление «нового мышления». Однако хитрость ситуации заключалась в том, что в условиях социально-экономического кризиса СССР мировое сообщество, лидеры США использовали ситуацию не для установления многополярного мира, а для установления своей гегемонии.

Консолидация западных социумов происходит преимущественно на основе политических идеологий. Восточные цивилизации до сих пор консолидируются на религиозной основе. Но и политическое, и религиозное сознание есть разновидности мировоззренческих ценностей. Поэтому мы можем сказать, что как цивилизационная интеграция, так и межцивилизационные лакуны имеют в своей сущности мировоззренческий характер¹⁸.

В конце XX начале XXI века стало очевидно, что информатизация является главным фактором возникновения современной формы глобализации, в том числе и т.н. «культурной глобализации». Глобальное культурное пространство стало результатом современного интеграционного процесса во взаимодействии культур и цивилизаций. Это особая стадия развития человечества и общества, когда на основе экономических, торговых и политических связей с помощью ИКТ появились семиотические коды и механизмы, интегрирующие человечество в глобальное целое. Это новое смысловое единство человечества возникло благодаря наличию универсалий культуры, которые нашли свое глобальное проявление благодаря современным техническим средствам. Сформировался новый пространственно-временной континуум человеческой культуры.

¹⁶См.: Горбачев, М.С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас [Текст] / М.С.Горбачев. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 400 с.

¹⁷ Горбачев, М.С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас [Текст] / М.С.Горбачев. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – С.37.

¹⁸ Mortimer, E. Christianity and Islam [Text] / E. Mortimer // International Affairs. – № 67. – Jan. 1991. – P. 7; Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон / Пер. с англ. Г. Велимеева. Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 71-72; Watson, A. The Evolution of International Society [Text] / A. Watson. – London: Routledge, 1992.; Buzan, B. From International System to International Society Structural Realism and Regime Theory Meet the English School [Text] / B. Buzan. // International Organization, 1993, Vol. 47. – P. 327-352.

Идеи «культурной глобализации» начали активно рассматривать в 1980-90 гг., чему способствовали пионерские труды А. Аппадурай «Разъединение и различие в глобальной культурэкономике»¹⁹ и «Современность в полный рост: культурные измерения глобализации»²⁰. Так постепенно в концепциях глобализации стал доминировать культурологический дискурс. Сам А. Аппадурай рассматривает глобализацию как детерриториализацию, связанную с информатизацией и виртуализацией, и ведущую к потере привязки социальных и культурных процессов к физическому пространству²¹. Согласно этим моделям глобализация формируется как символический поток, включающий в себя пять «русел»: виртуальное этнопространство образуют иммигранты, беженцы, гастарбайтеры, туристы; виртуальное технопространство создается функционированием и перемещением технологий; виртуальное финансовое пространство создается движением капиталов; виртуальная область массмедиа является порождающим устройством образов, имиджей и идеологическое пространство – виртуальный мир, создаваемый потоком идеологом, идеологическим симулякром. Эти виртуальные символические средства являются основой «воображаемых миров», которые люди создают и с помощью которых идентифицируют себя, других, вступая в символический обмен²². В концепции «воображаемых миров» идентичности, отнесение себя к локальному или глобальному, к определенной форме религии или партийной принадлежности и все другое порождается интенциональной деятельностью человека²³. Гендерная, культурная, политическая, религиозная, этноидентичность и пр. конструируется людьми из потоков символических образов и различаются феноменологически²⁴.

В работе М. Уотерса «Глобализация» (1995)²⁵ глобализация также рассматривается как результат детерриториализации симуляций в областях, где доминирует культура над экономикой через средства символизации. Логика такова, что экономические обмены имеют тенденцию к локализации социальных отношений, политические обмены имеют тенденцию к интернационализации, символические обмены имеют тенденцию к освобождению социальных отношений от пространственной референции, так как трансляция интеллектуальных и эстетических символов может относительно легко осуществляться между территориально удаленными индивидами. М. Уотерс применяет концепцию симулякром Ж. Бодрийяра и предлагает следующие сферы виртуальной глобализации: сакральное пространство как потоком симулякром религиозности; этнопространство, порождаемое потоком симулякром этнической идентичности; пространство виртуальной экономики, создаваемое движением симулякром стоимости и капитала; медиапространство, как результат симулятивной информации и виртуальное пространство симулякром развлечений.

Таким образом, постмодернизация социогуманитарного сознания привела к выводу, что доминантой глобализации является культура²⁶, поскольку в ней социальные отношения максимально символизированы и функционируют без привязки к конкретной территории. Глобализация как продукт движения симулякром и виртуализации транслируется в экономику и политику, вызывая тенденцию непосредственной привязки социальных отношений от физической и пространственной референции (полная симуляция возникает в киберпространстве при коммуникации посредством компьютерных сетей). С

¹⁹Appadurai A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* // *Global Culture*. Ed. by M. Featherstone. – Bristol: Sage Publications Ltd. 1997. P. 195-310.

²⁰Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minnesota: University of Minnesota Press. 1996. 248 p.

²¹Appadurai A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy*. P. 301.

²²Appadurai A. Там же. P. 296.

²³Appadurai A. *Modernity at Large* ...P. 182.

²⁴ Многие хорошо помнят, что в перестроечный и постперестроечный период стал исчезать феномен политических убеждений и многие бывшие члены КПСС побывали в рядах различных партий, верований и убеждений.

²⁵ Waters, M. *Globalization*. – London; N. Y.: Routledge, 1995.

* Симулякры – это пространство ложных знаков, оторванных от соответствующих им реальных объектов и событий.

²⁶ См.: Попов А.В. «Государство» и «власть» в дискурсах глобализации. Автореферат канд. дисс. 09.00.11. Краснодар, 2011.

нашей точки зрения, в этом случае пространственная локализация релятивизируется и каждая локальная точка становится точкой глобального пространства. Рост скорости и интенсивности потоков информации делает в тенденции различие глобального и локального условным, мир становится глобальным, потому что он как бы «сжимается» (Р. Робертсон) вследствие усиления связи его частей.

Обратимся теперь к понятию регионального, как соотносительного с понятием глобального. Части мира можно считать регионами²⁷. В словарях и энциклопедиях слово «регион» имеет своим происхождением латинское *regio*, обозначающее страну, область. Вербально это понятие связано с пространственным обозначением части государства, страны. Когда говорят о регионоведческих исследованиях, то часто имеют в виду краеведение, исследование культуры этносов определенной географической территории, например, региона Северного Кавказа. Причем, регион, как система бытования социума и определенная форма бытия культуры, рассматривается в единстве со своей «материнской культурой»²⁸. Определенный аспект отношений материнской и региональной культуры заключен в понятиях столичной и провинциальной культуры²⁹. Однако понятие региона применятся и на глобальном уровне, например, в словаре «Культурология» (под ред. К.М. Хоруженко) в качестве классификации культурных регионов называют европейско-североафриканский (культура Древнего Египта, античности, романского, германского и славянского культур, миров), дальневосточный, арабо-мусульманский, тропически-африканский, латиноамериканский³⁰ регионы. Другими словами, понятие «регион» применяется и на цивилизационном уровне, по существу, как философское понятие для обозначения региональных цивилизаций, в противовес глобальной. Понятие «регион» является важнейшим в международных отношениях, геополитике, географии, истории, краеведении и др. науках, но есть в нем общее: оно обозначает цивилизации, культуры, этносы, локализованные в определенном пространстве. Пространственные масштабы региона могут быть различны.

Регионы являются локальностями внутри глобальной культуры. Более того, понятия «регион», «региональный» оказываются соотносительными с понятием «глобальный». Концептуальные рассуждения этих феноменов фиксируют как их противоречия, так и взаимосвязь. В теоретических рассуждениях свободно допускается, что глобализа-

²⁷ Понятие региона в эпоху глобализации тоже приобрело фундаментальный статус. В обыденном сознании россиянина доминирует скорее административный смысл этого слова, однако в целом, оно имеет различный, в т.ч. и ментальный смысл. Фоминых, О.Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые характеристики [Текст] / О.Б. Фоминых // *Время культуры в региональном пространстве* : сб. науч. тр. / под ред. Д.Н. Маслюженко. – Курган, 2010. – С. 74-84; Казакова, Г. М. «Региональная» и «провинциальная» культуры: о сущностных характеристиках [Текст] / Г. М. Казакова // *Вестник МГУКИ*. – 2007. – № 3. – С. 113; Кривич, Н. А. Художественная культура Приморского края в древности и Средневековье: проблемы формирования, динамики, типологии [Текст] : автореф. дис. ... канд. культурологии / Н. А. Кривич. – СПб., 2001. – С. 20-23.

²⁸ «...Региональную культуру можно определить как продукт специфического социокультурного процесса на определённой территории. Это системное, полисферное и многоуровневое образование, имеющее тесные генетические связи с т.н. «материнской» (национальной) культурой. Оно несёт в себе как её общие черты и закономерности развития, так и собственные уникальные особенности. Её основная функция – воспроизводство культурной жизни региона, обеспечение непрерывности регионального культурного процесса»²⁸. Казакова, Г. М. «Региональная» и «провинциальная» культуры: о сущностных характеристиках [Текст] / Г. М. Казакова // *Вестник МГУКИ*. – 2007. – № 3. – С. 113; Зайцева, Т.А. Проблема взаимодействия традиции и новации в контексте изучения локальных и региональных культур / Т.А. Зайцева // *Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений*. Санкт-Петербург: ЭЙДОС, 2010. С. 556. С. 336-337; Беспалова, Ю.М. Региональная культура в социокультурном пространстве России / Ю.М. Беспалова // *Словцовские чтения: тезисы докладов, сообщений науч.-практ. конф.* / под ред. Н.В. Яблонского. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. С. 237.

²⁹ См. например: Казакова, Г.М. «Региональная» и «провинциальная» культуры: о сущностных характеристиках [Текст] / Г. М. Казакова // *Вестник МГУКИ*. – 2007. – № 3. – С. 112; Ершов, М.Ф. К социокультурному пониманию феномена провинции [Текст] / М. Ф. Ершов // «Культура провинции», междунар. науч.-практ. конф. (2005 ; Курган). Международная научно-практическая конференция «Культура провинции», 2005 г.: [материалы]. – Курган, 2005. – С. 147-148.

³⁰ Хоруженко, К.М. *Культурология: энциклопедический словарь*. / К.М. Хоруженко. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 410.

ция ведет к подчинению регионов, доминирует над ними, хотя и допускается, что регион является субъектом глобализации³¹, субъектом самоорганизации общества³². Более того, можно явно наблюдать как глобальные акторы умело используют регионализацию в своих экономических, финансовых, политических и других целях³³. Регионализация противоречит глобализации, но эти две тенденции неразрывны и придуманы ряд терминов, которые фиксируют эту взаимосвязь, например, «глокализация» (Р. Робертсон)³⁴. Сам термин «глокализация» включает сочетание двух исходных слов в определенной комбинации и означает, что локальные точки социального и культурного пространства в эпоху глобализации являются точками бытия Универсума, а социальный Универсум в каждой точке своего локального культурного бытия глобален³⁵. Глокальная точка конструируется глобальным целым, но имеет локальный колорит.

В эпоху глобализации вопрос бытия локальных общностей приобрел новую постановку, в частности, как вопрос-дилемма: Существует культура как нечто единое или она представляет собой пеструю мозаику локальных культур? Это не сугубо терминологический вопрос или казус. От ответа на него зависят интенции идентификации индивида, сообщества, направление и содержание культурной политики.

Современный мир, функционируя как международная система, в то же время не является единым культурным и цивилизационным сообществом с мировоззренческой точки зрения. Кризис имперской монополии Запада еще не завершился, хотя после «холодной войны» возникло множество «центров силы» и множество политических, религиозных, межэтнических лакун цивилизационного уровня. С одной стороны, каждая цивилизация стремится к универсальности, с другой стороны, – вначале Н.Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» (1868), а затем в 1918 году О. Шпенглер создали новый, нелинейный образ истории на основе культурологического подхода³⁶. Затем А. Тойнби упрочил этот образ истории как сосуществования множества цивилизаций³⁷. Однако всякая идентичность в качестве своего основания имеет оппозицию «Мы-Они», «Свои-Чужие». Следовательно, всякая идентичность сопровождается образованием лакун, а цивилизационная идентичность сопровождается цивилизационной демаркацией границ. Люди узнают, кем они являются только через противопоставление себя иным, тем, кем они не являются и, более того, через тех, против кого они способны выступить для своего самоутверждения. Основные «центры силы» современного мира, определяющие международную идентичность принадлежат таким государствам как США, страны Европы, Китай, Япония, Россия, Индия, которые принадлежат пяти цивилизациям, плюс исламские страны³⁸.

³¹См.: В.А. Дергачев пишет: «В качестве субъекта глобализации выступает регионализация, дающая мощный кумулятивный эффект формирования мировых геоэкономических полюсов». Дергачев В.А. Глобалистика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. ISBN 5-238-00957-7. //http://dergachev.ru/book-6/2.html

³² Ист.: Трейвиш, А. И. Район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа [Текст] / А. И. Трейвиш. – М., 2009. – С. 226-227. [Прим. сост.]

³³ Социокультурные факторы сегодня экономическое поведение американских фирм, предпочитают размещать производство на начальной высококвалифицированной стадии НИОКР в США, на второй стадии использующей квалифицированный ручной труд – в регионах с высоким качеством технической культуры и на стадии рутинной/малоквалифицированной сборки – в развивающихся странах.

³⁴ Robertson R. Glocalization: Time – Space and Homogeneity – Heterogeneity // Global Modernities / Ed. By M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: SAGE Publications, 1995. – P. 25 – 44. Глокализация как явление мировоззренческого уровня отражает такой слой мирового сознания, для которого характерно одновременно и отстаивание социумами своей самобытности (локальность) и укрепление внешних связей. В глокализации сопряжены гомогенизация, которую несет глобализация и гетерогенизация, как проявления специфического, традиционного. /См. интернет ресурс: <http://dictionary-economics.ru/word/Глокализация>

³⁵ Донских, С.В. Теория глокализации и проблема сущности локальной культуры /С.В. Донских// Философия и социальные науки. 2012. № 1/2. С. 4-8.

³⁶Spengler, O. Decline of the West, I. P. 93-94.

³⁷Toynbee, A.J. Study of History, I. P. 149, 154, 157.

³⁸Kissinger, H.A. Diplomacy [Text] / H.A. Kissinger. – N.Y.: Simon & Schuster, 1994. – P. 23-25; Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон / Пер. сангл. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003. -С. 25.

Межцивилизационные лакуны могут латентно дремать в исторической памяти, пробуждаясь в виде исторических споров, но могут и просыпаться, нарастать, агонизировать. Это происходит особенно бурно тогда, с нашей точки зрения, когда стимулируется политическими актами и интересами в состоянии поиска Ответа на Вызов. Мировоззренческая и культурная идентичность Запада и исламской цивилизации строится прямо на противоположных принципах³⁹ – Мы не Они. А это говорит о наличии глубокой, исторически обусловленной межцивилизационной лакуне, которая своими традиционными ценностями имеет религиозные корни⁴⁰. Поэтому, с нашей точки зрения, без изменения современных мировых религий, религиозных картин мира и политико-идеологической картины мира Запада существующая межцивилизационная лакуна и межцивилизационные столкновения не исчезнут. С другой стороны, в этой ситуации мы видим возникновение новых лакун, поскольку наблюдается развитие механизма политической идентичности по линии «Кто будет моим новым врагом?». Так, азиатское пространство представляет собой ареал, в котором разворачивается целый набор цивилизационных лакун. Только в Восточной Азии расположены страны, принадлежащие к шести цивилизациям, – японской, китайской, православной, буддийской, мусульманской и западной. Япония, Китай, Россия, США, Тайвань, Сингапур, Южная Корея, – все это страны, которые находятся в активной экономической и социальной динамике, военном строительстве, что способствует не только торговле, но и подозрительности⁴¹. Например, одно из самых очевидных становящихся противоречий – это противоречие между США и Китаем.

Контакт с «чужими» способствовал, по-видимому, формированию, закреплению, а также осознанию различий между своей и чужой общностью. В социально-психическом отношении общности различных типов конституировались через противопоставление «мы – они». Ко всему чужому относились со страхом и враждебностью. Взаимное неприятие сменялось «приятием», за которым следовала новая фаза неприятия. Возможно, в периоды «приятия» формировалось то общее, что объединяет всех людей, а в периоды неприятия более быстрыми темпами шло развитие специфического.

Однако глобализация не снимает наличия сложной иерархии идентичностей социума, надстраивающихся над этнической. Ю.В. Бромлей понимал этнос как «квант» специфической культурной информации и в то же время подчеркивал неправомерность сведения культурного единства этнических образований к совокупности некоторых особенностей⁴². Этнос в целом, как и характеризующая его локальная культура, есть совокупность общего и специфического. Любая из функционирующих культур имеет часть признаков, общих для всех локальных культур, а также группу признаков, несущих национально-специфическую нагрузку. Эти признаки могут быть присущи не всем, а нескольким локальным культурам, например, культурам, входящим в одну историко-этнографическую область. Исходя из общих соображений признаки, характеризующие ту или иную локальную культуру, можно разбить на три группы: а) характерные для всего человечества – общие, неспецифические; б) характерные для группы локальных культур – относительно специфические; в) характерные только для данной локальной культуры – абсолютно специфические.

Американский философ Лиза Джон считает⁴³, что для современного периода отношений между «мы» и «они» характерны не только осознание общечеловеческого «мы», но и проявление интереса к другому этносу, его культуре, стремление лучше узнать его особенности, установить с ним контакт на основе взаимопонимания.

³⁹Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон / Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 328.

⁴⁰Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон / Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 344.

⁴¹См.: Klare, M.T. The Next Great Arms Race [Text] / M.T. Klare // Foreign Affairs № 72. – Summer 1993. – P. 137.

⁴²Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография [Текст] / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – С. 53, 63; Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история [Текст] / Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979. – С. 104.

⁴³ См.: Лиза, Дж. Свобода слова и универсальный диалог / Дж. Лиза. – Электронный ресурс: http://papers.isud.org/seventh_congress_hiroshima_japan/page/2/.

Обязательное наличие сходства во всех культурах не исключает наличия культурной дистанции даже между очень сходными культурами. Степень сходства/различия сопоставляемых культур может быть различной. Полярными, в таком сопоставлении будут: 1) очень близкие культуры – максимум сходства и минимум различий; 2) очень далекие культуры – минимум сходства и максимум различий⁴⁴. Очевидно, что между двумя полярными случаями соотношения локальных культур возможны промежуточные формы.

Рассмотрим те компоненты культуры, которые могут носить национально-специфический характер. Во-первых, для того, чтобы выявить этнодифференцирующие культурологические признаки, необходимо взаимодействие, по крайней мере, двух культур. Только в общении с другим этносом осознается, формируется, закрепляется нечто специфическое для данного этноса и для данной культуры. Во-вторых, специфические различия этнокультурных общностей определяются различием сфер человеческой деятельности. Следует, однако, учитывать, что во всех компонентах культуры существует и нечто общее, служащее основой общения представителей различных этнокультурных общностей.

Локальная культура как набор этноинтегрирующих и этнодифференцирующих свойств может в зависимости от ситуации быть средством общения и средством разобщения. Локальная культура является средством общения, во-первых, внутри своего этноса (благодаря этноинтегрирующей функции языка и других компонентов культуры); во-вторых, между близкими культурами (между культурами с небольшой дистанцией различий), в-третьих, в тех случаях, когда особенности чужой локальной культуры опознаются на фоне своей собственной культуры. Средством же разобщения локальная культура будет, во-первых, в тех случаях, когда общение направлено «вовне», на другой этнос; во-вторых, когда культурологическая дистанция между коммуникантами окажется существенной; в-третьих, когда коммуниканты не опознают и не понимают специфических культурологических признаков, свидетельствующих о принадлежности общающихся к той или иной культуре.

Отношение к чужой культуре в целом имеет двойственный характер. С одной стороны, это негативное отношение, непонимание и неприятие того, что «не как у нас». С другой стороны, это интерес к тому, что выглядит по-другому, стремление узнать и понять своеобразие иной культуры, не отрицая оригинальности собственной. Существование обеих тенденций в отношении к другим национальным культурам осложняет задачу изучения процессов межкультурного общения, для адекватного решения которой необходимо, в первую очередь, найти способы исследования национально-культурной специфики этноса, а также создать теорию понимания инокультурного текста.

В конце XX начале XXI века отношение в рамках «мы-они» стали более сложными и менее однозначными. «Свое» – значит что-то исконное: свое «Я», собственный подход, родной язык, религия, истоки, семья, что-то родное. «Свое» – это традиционные семейные объединения, когда над личностью всегда стояла община. Начиная с 60-х годов XX века в Западной Европе наблюдается сильная тенденция к индивидуализации⁴⁵ и, одновременно с этим, за счет интенсивной компьютеризации ускоряется темп жизни. Модернизация в стиле глобализации приводит к стиранию национальных особенностей и языков. Это не исключает необходимости проникновения в чужую культуру. Язык и образование могут способствовать переводу «чужого» в «свое». Нельзя не отметить при этом важности знания друг о друге, значения языкознания, изучения иностранного языка. Как считают современные исследователи (А.Я. Якимович и др.), культуры легитимизируют свои цивилизационные установки не только посредством фронтальных аргументов, но также с помощью обратных аргументов, отсылающих к Чужим. Для утверждения своего собственного цивилизационного статуса и обретения идентичности этносы прибегают к символической операции в ментальной сфере с «масками нелюдя» и «масками

⁴⁴См.: Элиас Н. Общество индивидов [Текст] / Н. Элиас. М.: Праксис, 2001.

⁴⁵Интернетресурс: <http://europa.eu/int/eur-lex>; Thun-Hohenstein/Cede, *Europarecht: das Recht der Europäischen Union unter besonderer Berücksichtigung der EU-Mitgliedschaft Österreichs* (3. Aufl. 1999), Wien: Manz, S. 167ff; Eilmansberger, *Europarecht II. Das Recht des Binnenmarkts: Grundfreiheiten und Wettbewerbsrecht*, Wien: OracRechtsskriptum 2000.

человека». Но существуют случаи, когда «маска нелюдя» надевается на самого себя и является элементом другой ментально-символической игры – «Мы дрянь, но в высшем смысле» – различного рода мессианский садомазохизм. В конце XX – начале XXI века стали пробивать себе дорогу принципы мультикультуризма. В противоположность поверхностному взгляду, когда считается, что в этом случае Другой является таким же как и Я, можно допустить, что это более изощренная стратегия: Мы позволяем Другому быть «человеком», но при этом подразумеваем, что источником культурной легитимности являемся Мы, а не Другой.

Из сказанного следует вывод, что поскольку отношения идентификации столь сложны и запутаны, то и процесс устранения лакун в этой сфере не столь тривиален. Адекватный перевод и понимание могут быть получены лишь в том случае, когда субъект, осуществляющий перевод, будет давать соответствующую интерпретацию. А последняя возможна лишь в том случае, когда ему хорошо, то есть, на теоретическом уровне известны механизмы идентификации и самоидентификации как на социальном, так и на персональном уровне.

Рецепты такой элиминации были разработаны, по существу, тогда, когда возникла экзегетика (герменевтика) религиозных текстов, еще в средние века. Для элиминации такого рода лакун необходимо использовать, во-первых, этимологическое толкование, во-вторых, метафорическое толкование, и, наконец, – теоретический комментарий. Только наличие теоретического комментария позволяет заполнить смысловую пустоту, основываясь на знании структуры, сущности и закономерностей развития какого-либо объекта. Аналогичное требуется и в межкультурной среде: национализм, интернационализм, космополитизм – это не просто разные политические позиции, но также разные ментальные организации сознания, разные картины мира и разные способы понимания реальности, межчеловеческих отношений и самого себя, т.е. различные механизмы идентификации и самоидентификации. Поэтому без идеологии, без научной теории устранение концептуальных лакун в общественном сознании и в межкультурной коммуникации невозможно. Таким образом, социально-гуманитарные науки и идеология выполняют важнейшую социальную функцию – устранения, заполнения и компенсации мировоззренческих лакун с помощью теоретических средств⁴⁶.

Диалектика «своего-чужого» / «чужого-своего» проясняет представление о том, что нельзя свести друг к другу свою и чужую смысловые сферы, концептосферы. Возможно сближение в виде аналогии смысловых пятен сознания. На уровне значений слов перевод и сопоставление возможны, но на уровне передачи смысла ситуация чаще всего является

⁴⁶ См.: В.П. Бабинцев, В.П. Римский. Матрица русофобии и ментально-антропологические типы русской интеллигенции. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия. Философия. Социология. Право. 2013. № 8 (151). Вып. 24. С. 22. «Мы неоднократно отмечали, что во многих обобщающих трудах и почти во всех популярных учебниках по истории культуры или истории философии, а часто и по всеобщей истории существует громадная «дыра» почти в тысячу лет, именуемая «Византийской цивилизацией». В истории философии «византийский след» обрубается на «патристике», вершиной которой чаще всего объявляется Блаженный Августин, а о великих православных учителях Церкви, «Трех светочах Кашподокийской Церкви», утвердивших основные догматы веры христианской, – Василии Великом, Григории Богослове и Григории Нисском (где уж Иоанну Златоусту!) – вообще упоминают вскользь. Дионисий Ареопагит (для Запада он всегда будет «псевдо») и Иоанн Дамаскин, без которых немислима католическая схоластика, предстают как безродные «греческие космополиты», не имеющие «восточно-православной прописки», а последний – и «мусульманского отечества». Никто не пытается даже объяснить, почему вершина католической философии в XIII веке совпадает с захватом крестоносцами части «византийской империи» и ее столицы, а «заря Возрождения» – с окончательным падением Константинополя под ударами османов и бегством греческих интеллектуалов, философов и богословов в ближайшие италийские пределы.

Во тьме новейшей схоластической книжности, подверженной европоцентристской схематике и модернизации с их примитивной однозначностью и нетерпимостью, наиболее полно усвоенными современными параучеными, пропадают величайшие достижения человеческой культуры, будто их и не было. И лишь профессиональные византинисты-ученые пытаются по археологическим артефактам и пыльным рукописным спискам реконструировать образ великой Римской Православной цивилизации, без которой не было бы возможно развитие всей западноевропейской культуры от средневековья до наших дней».

асимметричной и открытой. Несмотря на это, межкультурная коммуникация ведет не только к приближению «чужого», но и к возникновению нового взгляда на «свое».

На предшествующем этапе российской идеологической истории господствовала марксистская парадигма понимания общества и культуры, согласно которой общество эволюционирует прогрессивно в истории от первобытного к капиталистическому и коммунистическому, а основой этого прогресса является экономика – развитие производительных сил и производственных отношений, включающее в себя и технический прогресс. Культурные факторы рассматривались как вторичные, движущим фактором истории рассматривалась классовая борьба, деятельность народных масс.

Современная культурологическая парадигма общественной жизни рассматривает культуру базовой основой воспроизводства общественной жизни, содержащей в себе коды, матрицы и программы социального воспроизводства. Движущей силой прогресса в таком случае считаются субкультурные образования⁴⁷, а многообразие субкультур определяется в качестве предпосылки и фактора социального и общего прогресса. Культурологическая парадигма порождает и новые политические стратегии, которые включают в себя «развитие межкультурной компетентности субъектов государственного управления и планирования, а также нового гражданского мировоззрения и инициатив (организаций) гражданского общества, которые рассматривали бы инфраструктуру культуры как часть инфраструктуры, обеспечивающей национальное развитие в целом; обновление и/или расширение форм деятельности в сфере культуры с учетом современных теоретических подходов и практических шагов в сфере межкультурных и межрелигиозных проблем, развития межкультурных компетенций и диалога, исторической и коллективной памяти, сохранения материального и нематериального культурного наследия, поддержки многообразия форм культурного выражения и др.; создание эффективных механизмов координации на региональном, национальном и местном уровнях с целью облегчить проведение в жизнь инновационных подходов поверх традиционных национальных, институциональных или культурных границ»⁴⁸.

Одна из главных проблем, которая сложилась на постсоветском, европейском и мировом уровне – это культурное многообразие и управление им. Ситуация такова, что постиндустриальное общество и соответствующая ему культурная эпоха – Постмодерн, создали в конце XX начале XXI века культурный ландшафт с высокой степенью разнообразия*. Что касается Центральной и Восточной Европы, то после Второй мировой войны она была включена в советскую централизованную модель государственного, политического, идеологического развития на принципах единства, централизации, однородности, идеологического и государственного контроля. В ходе политической и идеологической деконструкции СССР в 1990 г. возникли самостоятельные государства: Латвия, Литва и Эстония – в Балтийском регионе, Белоруссия, Молдова, Украина – в Восточной Европе, Грузия, Армения и Азербайджан – на Кавказе, Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан и Туркмения – в Средней Азии и Российская Федерация. Следствием этих трансформаций стали новые «правила игры», определяемые рынком, глобализацией (вестернизацией, американизацией), вхождением прибалтийских государств в Евросоюз. Если ранее культура этого региона регулировалась и фундировалась, прежде всего, государством, а под культурой понималось культурное наследие и классика, то вестернизиро-

⁴⁷ Подробнее см.: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41; Римская О.Н., Римский В.П. Феномен субкультурных религий. Saarbrücken, Germany, 2012; и др. работы В.П. Римского с учениками и коллегами.

⁴⁸ Аналитический доклад «О стратегических направлениях культурной политики в странах СНГ». Подготовлен в соответствии с контрактом между Российским институтом культурологии и Бюро ЮНЕСКО в Москве для региональной конференции Содружества Независимых Государств (СНГ) с участием международных экспертов. «Культурная политика – политика для культуры: новый профиль политики в сфере культуры» 5-8 ноября 2009 г., Армения, г. Ереван. – Москва 2009. // интернет ресурс: http://www.policyforculture.org/texts/analytical_paper_rus.pdf.

* Это в частности способствовало развитию познавательного туризма в разных его формах, так как индивид эпохи глобализации характеризуется метафорой «нового кочевника».

ванный вариант культуры сместил акценты: на первое место вышли массовая культура, масс-медиа, телевидение, кино с их системой звезд и кумиров. На место идеологических скреп пришли личные связи, новые пристрастия, рыночные механизмы. Возникло культурное пространство, разнообразное по национальной культуре, трансформирующееся и ищущее свое место в глобальном пространстве, как это ни странно, путем борьбы с глобализацией. Поэтому в рамках СНГ четко встала проблема межкультурного диалога как формы утверждения новой идентичности и обретения социального комфорта в новых социокультурных условиях, в условиях интенсивного взаимодействия, миграции, сосуществования. Более того, Постмодернистский проект культуры предложил новую систему ценностей, в которой культура и искусство, в отличие от проекта Модерна (Нового времени), рассматриваются как авангард рыночной экономики, индустрии отдыха, развлечения, индустрии создания нового образа жизни и среды. На место принципов просветительства и начетничества советской идеологической эстетики пришел примат эстетики повседневного, утилитарного и развлекательного.

Если советская культура строилась на принципах моноцентризма, а советские ценности имели форму метакультурных по отношению к национальным и этническим ценностям, то в 1990 гг. в период деконструкции СССР стали доминировать тенденции суверенизации, регионализации на основе реставрации и актуализации традиционных этнических, национальных, религиозных ценностей. Историческая память и формируемый на ее основе традиционный менталитет привели к новой игре идентичностей, возникли явления национальной и религиозной исключительности, архаизации, традиционализации. На Северном Кавказе после разрушения метакультурной основы в виде советских идеологических ценностей в качестве истинных и основных предстали этническая культура, этноэкономика, этнополитические ценности. Это привело к новым отношениям между местным населением, диаспорами и миллионами трудовых мигрантов, осложненное формированием новых социальных, возрастных и гендерных групп, в то время как некогда существовавшая культурная общность потеряла значение. В регионе реставрировалась этническая ментальность, кланово-семейная форма социальных связей, авторитарно-религиозные и авторитарно-политические формы решения проблем. Во многих республиках Северного Кавказа стала складываться ситуация моноэтничности, а региональная культура превращаться не в провинциальную, а оппозитивную, вступая в тесный контакт через религиозные ценности с исламскими культурными регионами зарубежья⁴⁹. Вряд ли это можно считать эффективной формой модернизации культуры региона в условиях вестернизации, скорее это стихийная защитная форма самосохранения в ситуации кризисности. Глобализация же означает, что этносы Северного Кавказа должны обрести свою идентичность в поле культурного многообразия цивилизованно. Однако культурная модернизация в регионе часто ведет не к секуляризации, а к религиозному традиционализму.

Ситуация Постмодерна в культуре в значительной степени означает смерть универсальных идеологий и переход к принципу многообразия, плюрализма. В правовом аспекте эта ситуация в цивилизованном обществе опирается на культурные права, на равенство всех культур: все культуры, все языки, все народы равноправны с точки зрения

⁴⁹ В исследовании региональной культуры применительно к различным регионам России имеет значение понятие «материнской культуры», под которой понимается культура центрально-европейской России и которая в той или иной степени повлияла на развитие региональных культур, своеобразно преломляясь в них. См.: Мурзина, И. Л. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры [Текст] : учеб. пособ. для вузов : в 2 ч. Ч. 1. / И. Л. Мурзина. – Екатеринбург, 2006. – С. 12; Мурзина, И. Л. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания [Текст] : моногр. / И. Л. Мурзина. – Екатеринбург, 2003. – С. 32. При этом, некое географическое пространство должно попасть в поле материнской культуры для того, чтобы оно могло стать региональной. Но будет ли она материнской для социумов Северного Кавказа? Если нет, то тогда диалектика общего и особенно в этом случае не играет роли. Если же диалектика сохраняется, то попытка некоторых северокавказских социумов поменять «материнскую культуру», например, с помощью ориентации на некие религиозные ценности, будет означать, что они хотят поменять свой региональный статус. Процесс создания моноэтнических социумов на Северном Кавказе как раз и является существенным шагом выхода из региональной культуры.

принципа культурного разнообразия. С другой стороны, равенство прав означает, что единственным поиском истины, в т.ч., истинных ценностей, становится межкультурный диалог (полилог) культур. В этом случае общая форма культуры как на глобальном, так и на региональном уровне должна быть податлива этому и приобрести форму инклюзивной культуры⁵⁰.

В связи с тем, что в условиях глобализации каждая точка культурного пространства ставит индивида в условия культурного многообразия и полилога, возникает потребность в повышении культурной компетентности. Культурная компетентность предполагает широкую культурную включенность и основана на равноправии культурных статусов всех народов и личностей. Она предполагает отказ от культурной изоляции, культурной исключительности и способствует включенности всех граждан в политику для культуры, означающую развитие культурных потребностей всех граждан через творческое участие. Свобода и сотрудничество также являются важными принципами проявления культурной компетентности. В связи с этим, большую роль в культурной компетентности занимают эстетические и нравственные вкусы, эмоциональная культура, для развития которой большое значение имеет социализация через художественную культуру, искусство. И все это культурное многообразие и свобода культурного потребления не должны нарушать стабильности общества, а способствовать его сплоченности. Это тоже одна из коренных проблем, на которую обратил внимание Совет Европы. Проблема культурного многообразия и единства осложняется в Европе и России этническим многообразием. Совет Европы так определяет единство культурного многообразия в сплоченном обществе: «Социальная сплоченность в понимании Совета Европы характеризует способность общества обеспечить благополучие всех своих членов, минимизируя неравенство и избегая поляризации. Сплоченное общество – это сообщество свободных индивидов, преследующих эти общие цели демократическими методами и ориентированное на взаимную поддержку»⁵¹.

Новые экономические отношения, рынок, конкуренция, финансовые отношения и система оплаты и стимулирования в 1990 гг. в странах СССР и России стали коренным образом меняться. Возникли новые акторы культуры – менеджеры, продюсеры, эксперты. В этих условиях, несмотря на закрытие клубов, библиотек и некоторых других заведений, общее число и разнообразие культурных центров, музеев, коллективов, галерей, выставочных залов, проектов и пр. стало расти. Что касается индустрии культуры, то кризис привел к вымыванию этих форм в ходе глобальной конкуренции за умы и чувства в виртуальном пространстве и заполнению этого рынка массовой культурой и видеопродукцией с Запада. Иногда, как на телевидении, это шло через прямое заимствование и подражание тому формату передач, который уже был разработан и использован в США и некоторых других западных странах. Поскольку в России и странах СНГ это происходило быстро и стихийно, без соответствующей правовой подготовки в сфере интеллектуальной собственности, то возникли явления свободного рынка индустрии культуры в виде производства и распространения пиратской продукции. Ключевыми факторами развития искусства на этот период становится кино и телевидение – отрасли, существующие на перекрестке искусства и индустрии.

В современных условиях формирование социальной реальности происходит во многом благодаря проективной и конструирующей и манипулятивной роли масс-медиа. Поэтому проблема культурной адаптации применительно к этническим противоречиям и антагонизмам в современных условиях во многом решается за счет формирования, как указывали Аппадурраи и Уотерсон, соответствующей образной виртуальной среды, соответствующей картины мира путем воздействия на традиционную ментальность, путем

⁵⁰ См.: «Аналитический доклад»: «Диверсификация «культурных ландшафтов» стала органичной чертой каждого общества, а текущее межкультурное взаимодействие вошло в повседневные жизненные практики каждого человека, оно протекает в конкретных, зачастую достаточно локальных пространствах, что заставляет еще раз обратиться к известному и конструктивному принципу «думать глобально, действовать локально».

⁵¹ White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity”, Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008).

превращения точки локального пространства в глокальное. Дело в том, что большинство локальных культур имеют шанс войти в глобальное пространство лишь через медиасеть. Однако презентация в Сети может происходить очень усеченным способом: Россия ассоциируется с негативными стереотипами: Распутин, Сталин, русская водка, мороз. Поэтому создание виртуальных самопрезентаций как страны в целом, ее культуры, так и отдельных ее частей – это особая сфера просветительско-образовательной деятельности и искусства, особая индустрия в рамках основных потоков глобального культурного пространства.

Таким образом, информационная цивилизация подготовила новые Вызовы для культуры в целом и региональных культур, в частности. Если до наступления эры компьютера и Интернет считалось, что компьютер облегчит человеку жизнь, упростит мыслительную работу, сделает ее более экономной, позволит все рассчитать и спланировать, то эра ИКТ привела, напротив, к другой ситуации. Человек как субъект познания оказался в более сложном и лакунизированном мире*. Компьютер заставил человека осознать, что он живет не в одномерном, а в многомерном, синергетически организованном пространстве Космоса. По новому, чем в индустриальном обществе, встала и проблема культурного многообразия: культурное многообразие предстало не как недостаток в линейном движении прогресса, а как основное богатство человечества и залог прогресса. Однако не все так просто: процесс развития культуры человечества через ее многообразие входит в противоречие с развитием цивилизации, что было вскрыто еще такими философами и мыслителями как Н. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер. Противоречие культуры и цивилизации проявляется как на глобальном, так и на локальном уровнях, в частности, в виде противоречий эпохи глобализации. Глобализация порождает новые формы единства и различия, развитие этнических и национальных культур вызывает потребность в самобытности, что находит выражение в этнических конфликтах, в свою очередь к повышению компетентности соответствующих политических и институциональных решений.

Отношение российской культуры и глобальной можно рассматривать в рамках глобального проекта и тогда отечественная культура и культура стран СНГ предстанут как региональные. В этом случае соотношение российского и глобального проекта может быть оценено с разных точек зрения. Согласно К.Э. Разлогову, основные прогностические модели будущего России с культурологической точки зрения таковы⁵²: 1) победа культурного консерватизма и попытка стабилизации страны на основе ее особого пути, что продлевает существование страны на 50-100 лет; 2) прямое подчинение глобализационным тенденциям и превращение в мировую культурную провинцию; 3) интеграция в мировое сообщество на равных правах через приоритетное развитие достижений информационной и отечественной культуры. В настоящее время в глобальном культурном потоке доминанта меняется, стрелка компаса мирового вектора развития колеблется между позициями Восток – Запад, так как некоторые прогнозные экономические, демографические, политические, духовные индикаторы таковы, что указывают на смещение доминанты с Запада на Восток.

Сформировался даже соответствующий слоган: «XXI век – век восхождения Азии и заката Европы»⁵³. В этом случае у России получается неплохой шанс для развития, в связи с ее традиционным востоко-западным положением в культурной эволюции. Поэтому проблема культурного многообразия, его ассимиляции, культурной компетентности, межкультурного диалога и управления этническим многообразием имеет для России первостепенное значение. Только через развитие межкультурной компетентности и межкультурного диалога может стратегически верно и мирно решена проблема укрепления и развития России, в т.ч. и как глобального игрока на поле глобальных межрегиональных

* В постмодернистской терминологии эта расщепленность сознания иногда именуется как «шизоидность».

⁵²Разлогов К.Э. Государственная политика в сфере культуры // Культура России: Информационно-аналитический сборник 2010 года. М., 2010. С. 36-37.

⁵³См.: The Rise of the Asian Century. Asian association of Christian philosophers. Annual conference 2013. AteneodeManilaUniversity. Philippines, 2013.

схваток. В этом вопросе огромное значение для Ответа на цивилизационный Вызов имеет развитие гуманитарного образования; оно имеет для современной России цивилизационное значение как фактор сохранения культурной идентичности, социального конструирования современной цивилизационной стратегии в эпоху современного преодоления глобальной дилеммы Восток-Запад. Культурно-цивилизационный выбор – это не технократическая, а гуманитарная проблема.

Существуют различные варианты прогнозных моделей для будущего России. Основной цивилизационный выход находится в рамках не сырьевой и даже не в рамках экономической, а в рамках культурно-цивилизационной парадигмы, ориентированной на продвижение в одну из альтернативных форм постиндустриальной цивилизации. Инклюзивная культура, культурная компетентность, межкультурный диалог и управление этническим многообразием имеют для России первостепенное значение. Культурно-цивилизационный выбор – это не технократическая, а гуманитарная проблема. Для правильного Ответа на Вызов первостепенно значимо развитие гуманитарного образования как фактора сохранения культурной идентичности, социального конструирования цивилизационных стратегий и роста культурной компетентности российского общества.

Список литературы

1. Аналитический доклад «О стратегических направлениях культурной политики в странах СНГ». Подготовлен в соответствии с контрактом между Российским институтом культурологии и Бюро ЮНЕСКО в Москве для региональной конференции Содружества Независимых Государств (СНГ) с участием международных экспертов. «Культурная политика – политика для культуры: новый профиль политики в сфере культуры» 5-8 ноября 2009 г., Армения, г. Ереван. – Москва 2009. // интернет ресурс: http://www.policyforculture.org/texts/analytical_paper_rus.pdf.
2. Бабинцев В.П., Римский В.П. «Матрица русофобии и ментально-антропологические типы русской интеллигенции». // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия. Философия. Социология. Право. 2013. № 8 (151). Вып. 24. – С. 19-31.
3. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.
4. Беспалова, Ю.М. Региональная культура в социокультурном пространстве России / Ю.М. Беспалова // Словцовские чтения: тезисы докладов, сообщений науч.-практ. конф. / под ред. Н.В. Яблонского. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. С. 237.
5. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография [Текст] / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1973.
6. Горбачев, М.С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас [Текст] / М.С. Горбачев. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 400 с.
7. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
8. Дергачев В.А. Глобалистика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. ISBN 5-238-00957-7. // <http://dergachev.ru/book-6/2.html>
9. Донских, С.В. Теория глокализации и проблема сущности локальной культуры / С.В. Донских // Философия и социальные науки. 2012. № 1/2. С. 4-8.
10. Ерасов, Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (Очерки общей теории) [Текст] / Б.С. Ерасов. – М.: Наука, 1990. – 205 с.
11. Ершов, М. Ф. К социокультурному пониманию феномена провинции [Текст] / М. Ф. Ершов // «Культура провинции», междунар. науч.-практ. конф. (2005 ; Курган). Международная научно-практическая конференция «Культура провинции», 2005 г.: [материалы]. – Курган, 2005. – С. 147-148.
12. Зайцева, Т.А. Проблема взаимодействия традиции и новации в контексте изучения локальных и региональных культур / Т.А. Зайцева // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений. Санкт-Петербург: ЭЙДОС, 2010. С. 556. С. 336-337.
13. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. – 464 с. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
14. Казакова, Г. М. «Региональная» и «провинциальная» культуры: о сущностных характеристиках [Текст] / Г. М. Казакова // Вестник МГУКИ. – 2007. – № 3. – С. 113.

15. Кривич, Н. А. Художественная культура Приморского края в древности и Средневековье: проблемы формирования, динамики, типологии [Текст] : автореф. дис. ... канд. культурологии / Н. А. Кривич. – СПб., 2001. 25с.
16. Лиза, Дж. Свобода слова и универсальный диалог / Дж. Лиза. – Электронный ресурс: http://papers.isud.org/seventh_congress_hiroshima_japan/page/2/.
17. Мурзина, И.Л. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры [Текст] : учеб. пособ. для вузов : в 2 ч. Ч. 1. / И. Л. Мурзина. – Екатеринбург, 2006.
18. Мурзина, И.Л. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания [Текст] : моногр. / И. Л. Мурзина. – Екатеринбург, 2003.
19. ПанкаджГемават. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М.: Альпина Паблшер, 2013. 415 с.
20. Попов А.В. «Государство» и «власть» в дискурсах глобализации. Автореферат канд. дисс. 09.00.11. Краснодар, 2011.
21. Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история [Текст] / Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979.
22. Разлогов К.Э. Государственная политика в сфере культуры // Культура России: Информационно-аналитический сборник 2010 года. М., 2010.
23. Римская О.Н., Римский В.П. Феномен субкультурных религий. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Akademik Publisching GmbH&Co.KG, 2012. – 129 с.
24. Тойнби, А.Дж. Постижение истории [Текст] / А.Дж. Тойнби.- М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
25. Трейвиш, А. И. Район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа [Текст] / А. И. Трейвиш. – М., 2009. – С. 226-227. [Прим. сост.].
26. Фоминых, О.Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые характеристики [Текст] / О.Б. Фоминых // Время культуры в региональном пространстве : сб. науч. тр. / под ред. Д.Н. Маслюженко. – Курган, 2010. – С. 74-84.
27. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон / Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003.
28. Хоруженко, К.М. Культурология: энциклопедический словарь. / К.М. Хоруженко. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 410.
29. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [Текст] / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
30. Элиас Н. Общество индивидов [Текст] / Н. Элиас. -М.:Праксис, 2001.
31. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture. Ed. by M. Featherstone. – Bristol: Sage Publications Ltd. 1997. P. 195-310.
32. Appadurai, A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minnesota: University of Minnesota Press. 1996. 248 p.
33. Bagby, Ph. Culture and History Prolegomena to the Comparative Study of Civilizations [Text] / Ph. Bagby. – London: Longman, Green, 1958. – P. 165–174.
34. Braudel, F. History of Civilizations [Text] / F. Braudel. – N.Y.: Alien Lane— Penguin Press, 1994. – 816 p.
35. Braudel, F. On History [Text] / F. Braudel. – Chicago, Chicago University Press, 1989 – P. 177–181, 212-214.
36. Coulborn, R. The Origin of Civilized Societies [Text] / R. Coulborn. – Princeton: Princeton University Press, 1959. – 200 p.
37. Eisenstadt, S.N. Cultural Traditions and Political Dynamics: The Origins and Modes of Ideological Politics [Text] / S.N. Eisenstadt // British Journal of Sociology. – № 32. – June 1981. – P. 155–181.
38. Gong, G.W. The Standard of «Civilization» in International Society [Text] / G.W. Gong. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – P. 81, 97–100.
39. Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order [Text] / S.P. Huntington. – N.Y.: Simon & Schuster, 1996. – 368 p.
40. Kissinger, H.A. Diplomacy [Text] / H.A. Kissinger. – N.Y.: Simon & Schuster, 1994.
41. Klare, M.T. The Next Great Arms Race [Text] / M.T. Klare // Foreign Affairs № 72. – Summer 1993.
42. Lewis, B. Islam and the West [Text] / B. Lewis. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1993. – 217 p.
43. McNeill, W.H. The Rise of the West. A History of the Human Community [Text] / W.H. McNeill. – Chicago University of Chicago Press, 1963. – 547 p.
44. Mortimer, E. Christianity and Islam [Text] / E. Mortimer //International Affairs. – № 67. – Jan. 1991. – P. 7.
45. Quigley, C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis [Text] / C. Quigley. – New York: Macmillan, 1961. – P. 77-84.

46. Robertson R. Glocalization: Time – Space and Homogeneity – Heterogeneity // Global Modernities / Ed. By M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson. – London: SAGE Publications, 1995. – P. 25 – 44.

47. The Rise of the Asian Century. Asian association of Christian philosophers. Annual conference 2013. Ateneo de Manila University. Philippines, 2013.

48. Toynbee, A.J. Study of History, VIII, 347–348; McNeill, W.H. The Rise of the West. A History of the Human Community [Text] / W.H. McNeill. – Chicago University of Chicago Press, 1963. – 547 p.

49. Wallerstein, I. Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World System [Text] / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 215 p.

50. Waters, M. Globalization. – London; N. Y.: Routledge, 1995.

51. Weber, M. The Social Psychology of the World Religions [Text] / M. Weber // Essays in Sociology. – London: Routledge, trans and ed H.H. Gerth and C Wright Mills, 1991. – p. 267.

52. Weber, M. The Sociology of Religion [Text] / M. Weber. – Boston: Beacon Press, 1968; Durkheim, E., Note on the Notion of Civilization Social [Text] / E. Durkheim and M. Mauss // Social Research. – № 38. – 1971. – P. 808- 813.

53. White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity”, Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008).

CULTURAL COMPETENCE IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIVERSITY AND LACUNARITY

V.P. GGRTSENKO¹⁾

T.Y. DANILCHENKO²⁾

*Krasnodar state university
of culture and arts*

*¹⁾ e-mail:
postmodernist@mail.ru*

*²⁾ e-mail:
semiotike@rambler.ru*

The article examines the situation of cultural diversity, which causes the growth of cultural identity and lacunarity, and the need to improve cultural competence, promoting the elimination of gaps in intercultural communication.

Keywords: culture, globalization, regionalization, cultural diversity, lacunar, cultural competence, elimination of gaps.